

В. Л. Толстых*

ПРИЗНАНИЕ И НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА В НАЧАЛЕ XXI в.

Специфика проблемы признания состоит в том, что простое, определенное и конкретное действие оказывается предметом изощренных спекуляций, которые ведутся на протяжении нескольких столетий, но так и не привели к формированию ясного и целостного правового режима. В этом плане признание обладает большой методологической ценностью, так как позволяет определить истинную природу международного права, состоящую во взаимодействии двух логически несовместимых идей – идеи естественного права (справедливости) и идеи позитивного права (воли). Проблема признания актуализировалась в связи с распадом СССР и Югославии; реакция ЕС радикально изменила классический режим признания и его функцию – отныне признание стало выступать формой контроля и влияния на внутреннюю и внешнюю политику. Претензии в адрес непризнанных государств часто могут быть парированы, тем не менее нельзя отрицать объективного дефицита государственности и демократии. Этот дефицит обусловлен развитием национализма, который в свою очередь вызван общим обезцениванием оснований государственной власти (легитимности). Как результат, в непризнанности заинтересованы все затронутые стороны, политика которых включает и противоположные паттерны: содействие урегулированию и решение гуманитарных проблем. Эти паттерны имеют серьезные дефекты, поскольку способствуют замораживанию конфликта и не предполагают установления общего режима защиты прав населения. Предложения по решению проблемы непризнанности часто носят паллиативный характер, т. е. касаются усовершенствования имеющихся инструментов. Они могут играть позитивную роль, но не способны радикально улучшить ситуацию: купировать агрессивный национализм, предотвратить межнациональные конфликты, обеспечить полное использование прав человека. Для этого необходимы более серьезные меры, затрагивающие основы международного права: криминализация политики национальной унификации, исключение действия принципа *uti possidetis*, отступление от демократических процедур, введение общего режима защиты прав человека и др. Они, однако, вряд ли будут реализованы. Создается общее впечатление об искусственности данной проблемы и образующего ее контекста – меж-

* Толстых Владислав Леонидович – ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета (Новосибирск), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

национальных конфликтов, вызываемых не объективными противоречиями, а самой логикой современной истории.

Ключевые слова: международное право, признание, непризнанные государства, суверенитет, национальная политика, самоопределение, территориальные титулы

Для цитирования: Толстых В. Л. Признание и непризнанные государства в начале XXI в. // Российский юридический журнал. 2020. № 5. С. 135–151. DOI: 10.34076/2071-3797-2020-5-135-151.

Сущность проблемы признания

Специфика проблемы признания состоит в том, что простое, определенное и совершенно конкретное действие оказывается предметом изощренных интеллектуальных и политических спекуляций, которые ведутся на протяжении нескольких столетий, но так и не привели к формированию ясного и целостного правового режима. В этом плане, независимо от своих политических и юридических последствий, признание обладает большой методологической ценностью, так как позволяет определить истинную природу международного права, которая в иных случаях не просматривается за толщей нормативных массивов относительно последовательных режимов. Эта природа состоит во взаимодействии (взаимном притяжении и отталкивании) двух логически несовместимых идей – идеи естественного права (справедливости) и идеи позитивного права (воли), образующем матрицу международно-правовой аргументации: данные идеи используются одними субъектами в разных ситуациях и в разной конфигурации, сформированный ими дискурс не является целостным, но обеспечивает баланс между порядком и индивидуальной свободой и, таким образом, позволяет избежать как хаоса, так и тоталитаризма. Эта закономерность была обнаружена критической школой; М. Коскенниemi выводит ее из идеи общественного договора¹.

Действительно, декларативная теория, согласно которой признание лишь фиксирует наличествующий факт государственности и не обладает правоустанавливающим эффектом, отражает идею естественного порядка, а конститутивная теория, согласно которой признание создает нового субъекта права, – идею общественного договора. Обе данные идеи жизнеспособны, но уязвимы для аргументации, выдвинутой с противоположного полюса, – отсюда предсказуемость и цикличность доктринальных дискуссий.

Невозможность логического решения конфликта между теориями признания вполне устраивает политических акторов, поскольку открывает возможность для избирательной и дискреционной реакции, ориентированной на собственные интересы. Откровенный волюнтаризм этой реакции маскируется при помощи ссылок на демократический выбор и фактические различия, благодаря чему обеспечивается видимость нормативности (т. е. последовательности и определенности)².

¹ *Kennedy D.* International legal structures. Baden-Baden: Nomos-Verlag-Ges., 1987; *Koskenniemi M.* From apology to utopia: the structure of international legal argument. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

² В. Ворст пишет, что неопределенность в вопросе признания является намеренной и позволяет субъекту права адаптироваться к ситуации; признание призвано обеспечить не просто стабильность, но стабильность, работающую в пользу определенных акторов (*Worste W. T.* Law, Politics, and the Conception of the State in State Recognition Theory // *Boston University International Law Journal*. 2009. Vol. 27. P. 115–171).

Дуализм справедливости и воли свойствен не только международному праву; речь идет об общей характеристике западной картины мира, обусловленной действием двух противоположных философских дискурсов. Другими его проявлениями являются конфликты между язычеством и христианством, идеализмом и эмпиризмом, Античностью и Средневековьем, феодализмом и Новым временем, классицизмом и романтизмом. Прошлое повергнуто, но не уничтожено; современность восторжествовала, но не полностью.

Актуализация института признания после 1991 г.

Проблема признания актуализировалась в связи с распадом СССР и Югославии. В соответствии с принципом *uti possidetis* границы новых государств должны были следовать административным границам; в результате значительную часть их населения составили меньшинства. Придя к власти, новые правительства начинали осуществлять национальную унификацию: принимать новые символы, переименовывать населенные пункты, сносить памятники, запрещать старые символы и культурное наследие, восстанавливать действие старых законов, лишать меньшинства статуса титульной нации, их язык – статуса официального, а их образования – статуса автономий. В ответ на это (а иногда и раньше) меньшинства формировали свои органы власти, проводили референдумы и провозглашали независимость.

Словения и Хорватия провозгласили независимость в июне 1991 г. В августе ЕС учредило Мирную конференцию по Югославии (в составе Социалистической Федеративной Республики Югославия, ее республик, ЕС и его членов) и Арбитражную комиссию Конференции (Комиссию Бадинтера). В ноябре Комиссия констатировала, что СФРЮ находится в процессе распада (Заключение № 1); в декабре ЕС приняло Критерии признания новых государств (далее – Критерии 1991 г.). В январе 1992 г. Комиссия постановила, что боснийские и хорватские сербы имеют права меньшинств (но не право на сецессию) (Заключение № 2); подтвердила действие принципа *uti possidetis* (Заключение № 3); не рекомендовала признание Боснии, где не был проведен референдум (Заключение № 4), и Хорватии, чья конституция не обеспечивала защиту меньшинств (Заключение № 5); рекомендовала признать Македонию (Заключение № 6) и Словению (Заключение № 7).

Эти рекомендации были полностью выполнены лишь в отношении Словении. Босния в феврале 1992 г. провела референдум, на котором 99 % высказались за независимость; сербы, составлявшие более 1/3 населения, однако, саботировали голосование. После этого ЕС признало Боснию. Хорватия также была признана, хотя ее конституция не была изменена, а правительство контролировало лишь 1/3 страны; ЕС удовлетворилось обещанием властей решить проблему меньшинств, которое так и не было выполнено: результатом операции «Буря» (1995 г.) стали ликвидация непризнанной Сербской Краины и бегство из страны 200 тыс. сербов¹. Македония, отвечавшая критериям признания, не была признана, так как этому воспротивилась Греция, посчитавшая, что название этого государства угрожает ее целостности².

Аналогичная непоследовательность была проявлена в отношении Косово, отделившегося от Сербии вопреки позиции, изложенной в Заключении № 2. В Ре-

¹ В 1991 г. сербы составляли 12,2 % населения страны, югославы – 2,2; в 2001 г. – 4,5 и 0.

² Промежуточным решением стал компромисс об использовании названия, устраивающего Грецию, – «Бывшая Югославская Республика Македония». С 2009 г. используется название «Северная Македония».

золюции 1244 от 10 июня 1999 г. Совет Безопасности ООН распорядился создать Миссию, которая должна была управлять Косово, пока стороны не определят его окончательный статус в границах Югославии. Переговоры, однако, провалились, и 17 февраля 2008 г. Ассамблея Косово объявила о независимости. Буквально сразу же Косово было признано ЕС и США¹. Международный Суд ООН в Консультативном заключении от 22 июля 2010 г. заявил, что декларация *per se* не нарушает международное право, и отказался рассуждать о правомерности признания Косово.

Эволюция правового режима признания

Классический режим признания включает четыре элемента. Во-первых, признание предоставляется только эффективному государству, т. е. государству, осуществляющему устойчивый контроль над своей территорией и населением (тест Монтевидео). Во-вторых, преждевременное признание (осуществленное до установления эффективного контроля) рассматривается как неправомерное вмешательство во внутренние дела другого (материнского) государства. В-третьих, не допускается признание государств, образованных с нарушением норм международного права, особенно запрета применения силы (доктрина Стимсона). В-четвертых, право наций на самоопределение легитимирует освободительную борьбу и международную помощь, но не преждевременное признание.

Практика ЕС радикально изменила эти элементы. Во-первых, новым условием признания стало соответствие внутренней политики демократическим стандартам (соблюдение прав человека и меньшинств, выборы, верховенство закона) (Критерии 1991 г.). Во-вторых, преждевременное признание стало рассматриваться как правомерное и даже необходимое в ситуациях массовых нарушений прав (признание Хорватии Германией в декабре 1991 г.)². В-третьих, были сформулированы новые международно-правовые условия (разоружение, нераспространение, правопреемство и пр.) (Критерии 1991 г.). В-четвертых, принцип самоопределения утратил привязку к колониальному контексту и стал предметом различных и зачастую противоположных интерпретаций.

Функция признания изменилась: отныне оно не констатирует факт образования государства, но выступает формой контроля и влияния на внутреннюю и внешнюю политику³. Отсюда – его конститутивный характер⁴, крайняя степень дискреции⁵, размывание нормативной основы и непоследовательность практики.

¹ В Заявлении от 18 февраля 2008 г. Совет ЕС указал: «Совет подтверждает приверженность ЕС принципам Устава ООН и Хельсинского заключительного акта, *inter alia* принципам суверенитета и территориальной целостности и всем резолюциям Совета Безопасности ООН. Он подчеркивает свою убежденность, что в свете конфликта 1990-х гг. и длительного периода международного управления в соответствии с Резолюцией СБ ООН 1244 Косово представляет собой случай *sui generis*, который не ставит под сомнение эти принципы и резолюции». См.: URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/gena/98818.pdf (дата обращения: 01.10.2020).

² Hillgruber Ch. The Admission of New States to International Community // *European Journal of International Law*. 1998. Vol. 9. P. 493.

³ По словам Б. С. Чимни, «не только признание новых государств, но и признание правительств стало предметом регулирования международного права в стремлении сделать буржуазное государство универсальной формой государства» (*Chimni B. S. An outline of a Marxist course on public international law // International law on the left: re-examining Marxist legacies / ed. by S. Marks. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 59*).

⁴ Комиссия Бадинтера заявила, что «последствия признания со стороны других государств являются чисто декларативными» (Заключение № 1), однако оно «предоставляет определенные права и обязанности по международному праву» (Заключение № 8).

⁵ Комиссия Бадинтера указала: «Хотя признание не является необходимым условием для образования государства и оказывает чисто декларативное воздействие, оно, тем не менее, является дис-

Речь, таким образом, идет о его политизации и смещении баланса между апологией и утопией, о котором писал М. Коскенниemi, в сторону апологии.

Отношение доктрины к этой трансформации неоднозначное. Одни авторы выступают за восстановление баланса. Так, С. Рингерт и С. Собри предлагают, во-первых, толковать внутреннее право на самоопределение как универсальное, а право на сепессию – как исключение из принципа территориальной целостности, действующее только в ситуациях серьезных нарушений прав и постоянного отрицания права на внутреннее самоопределение; во-вторых, четко определить критерии признания и установить высокий порог утраты государственности (т. е., по сути, пересмотреть позицию, изложенную в Заключении № 1); в-третьих, снизить влияние политических факторов и требовать строгого соблюдения процедуры¹.

Другие авторы, наоборот, приветствуют новые тенденции. Так, А. Берлин отмечает формирование нормы, согласно которой международное сообщество должно признавать образование, стремящееся к независимости, если это послужит эффективной санкцией в отношении материнского государства, нарушающего права человека, даже когда связь между отделяющимся образованием и плохим поведением материнского государства отсутствует. Принцип невмешательства при этом должен игнорироваться. Основой санкционной теории признания являются принцип уважения прав человека, защитная оговорка Декларации о принципах международного права, концепция *R2P* (ответственности за защиту)².

Субъектность непризнанных государств

Следствием изменения функции признания стало появление большого числа непризнанных государств (государств *de facto*, квазигосударств)³. К. Бузар, Б. Грэхэм и Б. Хорн выделяют следующие их виды: 1) непризнанные (признанные менее чем десятью членами ООН): Абхазия, Арцах, Южная Осетия, Приднестровская Молдавская республика (далее также – ПМР), Сомалиленд, Турецкая республика Северного Кипра, Луганская и Донецкая народные республики; 2) частично признанные (признанные более чем десятью членами ООН, но не материнским государством): Палестина, Тайвань, Косово; 3) непризнанные, вернувшиеся в состав материнского государства после военного поражения: Анжуан (Коморские острова); Биафра (Нигерия), Чечня (РФ), Хорватская республика Герцег-Босна (Босния), Восточный Туркестан (Китай), Хайдарабад (Индия), Катанга (Конго), Мехабад (Иран), Тамил-Илам (Шри-Ланка), Республика Сербская (Босния), Серб-

крейонным актом, который другие государства могут осуществлять тогда, когда они этого хотят, и так, как они этого хотят» (Заключение № 10).

¹ *Ryngaert C., Sobrie S.* Recognition of states: International law or realpolitik? The practice of recognition in the wake of Kosovo, South Ossetia, and Abkhazia // *Leiden Journal of International Law*. 2011. Vol. 24. № 2. P. 485–489.

² *Berlin A. H.* Recognition as Sanction: Using International Recognition of New States to Deter, Punish, and Contain Bad Actors // *University of Pennsylvania Journal of International Law*. 2009. Vol. 31. № 2. P. 531–591.

³ С. Пегг перечисляет признаки таких образований: во-первых, они оформляют организованное лидерство, пользующееся определенной народной поддержкой; во-вторых, это лидерство управляет или оказывает правительственные услуги населению; в-третьих, государства *de facto* контролируют свою территорию по меньшей мере два года; в-четвертых, они считают себя способными вступать в отношения с другими государствами; в-пятых, они стремятся получить признание; в-шестых, они не способны его добиться и остаются непризнанными (*Pegg S.* The Impact of *De Facto* States on International Law and the International Community. 15 May 2008. European Parliament, Brussels, Belgium. URL: <https://www.unpo.org/images/professor%20scott%20pegg.pdf> (дата обращения: 01.10.2020). См. также: *Kolsto P.* The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States // *Journal of Peace Research*. 2006. Vol. 43. № 6. P. 723–740.

ская Краина (Хорватия), Западная Босния (Босния), Западная Сахара (Марокко); 4) вернувшиеся в состав материнского государства по результатам переговоров: Аджария (Грузия), Гагаузия (Молдавия), Бугенвиль (Папуа – Новая Гвинея), Мвали (Коморы); 5) признанные материнскими государствами: Бангладеш, Эритрея, Южный Судан¹.

Непризнание образований, относящихся к третьей и четвертой группам, соответствует классическому подходу: речь идет об отсутствии устойчивой власти и конечном восстановлении суверенитета материнского государства. Непризнание образований, относящихся к первой и второй группам, соответствует новому подходу: речь идет об устойчивых образованиях, которые рассматриваются как несоответствующие новым стандартам. Основные претензии, предъявляемые к ним, можно разделить на несколько групп.

Первая группа касается контроля со стороны государства-патрона (России, Армении, Турции), в силу которого данные образования не рассматриваются как самостоятельные, а поведение их органов присваивается патрону (ст. 8 Статей об ответственности государств 2001 г., Постановление ЕСПЧ от 8 июля 2004 г. по делу Илашку). *Вторая* группа касается невыполнения требований в сфере внутренней политики: незаконность референдума, нарушения прав человека, дефицит демократии. *Третья* группа касается невыполнения требований в сфере внешней политики: саботирование урегулирования, нарушения международного гуманитарного права, наличие внешней агрессии. Кроме того, можно говорить о *четвертой* группе, состоящей в общей стигматизации непризнанных образований, в их определении как политических антипространств.

Все эти претензии могут быть парированы. Во-первых, в Постановлении по делу Илашку ЕСПЧ установил очень низкий и не соответствующий ни здравому смыслу, ни позициям других судов порог присвоения²; на практике патрон, как правило, обладает лишь возможностью *влияния*, но не *контроля*. Позиция ЕСПЧ обосновывается необходимостью избежать вакуума в действии европейской системы защиты прав³; это обоснование, однако, не должно распространяться на *все* акты непризнанного образования. Во-вторых, некоторые непризнанные образования отвечают стандартам внутренней политики или, по крайней мере, находятся на уровне материнского государства. Так, по результатам обзора *Freedom House* за 2018 г. степень соблюдения политических прав по 7-балльной шкале в Абхазии составила 4, гражданских прав – 5 (частично свободная территория); в Крыму – 7 и 6 (несвободная); в Арцахе – 5 и 5 (частично свободная); на Северном Кипре – 2 и 2 (свободная); в Южной Осетии – 7 и 6 (несвободная); в ПМР – 6 и 6 (несвободная). Что касается материнских государств, то в Азербайджане степень соблюдения политических прав составила 7, гражданских – 6; в Армении – 5 и 4; в России – 7 и 6; в Турции – 5 и 6; в Молдавии – 3 и 3⁴. В-третьих,

¹ *Buzard K., Graham B., Horne B.* Unrecognized States: A Theory of Self-Determination and Foreign Influence // *The Journal of Law, Economics, and Organization*. 2017. Vol. 33. № 3. P. 578–611.

² Международный Суд ООН в Решении от 27 июня 1986 г. по делу Никарагуа сформулировал критерий «эффективного контроля над военными операциями»; Международный трибунал по бывшей Югославии в Решении от 15 июля 1999 г. по делу Тадича – критерий «всеобъемлющего контроля». В Постановлении по делу Илашку ЕСПЧ указал: «Ответственность РФ за незаконные акты, совершенные трансднестровскими сепаратистами, возникает в силу военной и политической поддержки, которую она им оказывает в целях содействия в установлении сепаратистского режима, и в силу участия ее военного персонала в конфликте» (§ 382).

³ *Talmon S.* The Responsibility of Outside Powers for Acts of Secessionist Entities // *International and Comparative Law Quarterly*. 2009. Vol. 58. P. 512.

⁴ *Freedom in the world 2018*. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-02/FH_FIW_Report_2018_Final.pdf (дата обращения: 01.10.2020).

нарушения стандартов внешней политики часто являются *результатом* непризнания и в равной степени могут вменяться материнскому государству (нападение Грузии на Цхинвал, нарушения режима прекращения огня на Украине, этнические чистки во время югославских войн).

Особенности непризнанных государств

Несмотря на то что непризнанные государства часто соответствуют не только старым, но и новым критериям признания, их внутренняя и внешняя политика характеризуется рядом важных особенностей:

1) использование особых оснований легитимности: памяти о гражданской войне, образа внешнего врага, образа единой нации¹;

2) централизованная и милитаризованная система управления, функционирующая в условиях чрезвычайного положения;

3) дефицит персональной юрисдикции: наличие двойного гражданства, двойной регистрации юридических лиц и т. п.;

4) дефицит судебной власти: нефункционирующие суды, нарушение стандартов правосудия, неисполнение решений и др.;

5) ограничения ряда прав: собственности, свободы передвижения, свободы слова и пр.;

6) привилегированное положение титульной нации, дискриминация по этническому признаку;

7) несбалансированная экономика: зависимость от внешней помощи, несправедливое распределение, теневые сектора;

8) ориентация на получение преимуществ от непризнанности, паразитирование на государстве-патроне;

9) ориентация на сотрудничество с диаспорой и другими непризнанными государствами²;

10) отсутствие четкой политической повестки, зависимость от конъюнктуры³.

Наличие этих особенностей позволяет ряду авторов отрицать государственность данных образований⁴. С этим сложно согласиться: государственность может существовать в разных условиях и формах; кроме того, указанные проблемы не свойственны *всем* непризнанным государствам⁵. Тем не менее эти проблемы носят системный характер и обусловлены объективными причинами, такими как:

¹ Kolsto P. Op. cit.

² Лемпова С. В. Внешняя политика непризнанных государств (на примере Республики Абхазия) // Вестник СГУТиКД. 2011. № 2. С. 233–235.

³ Tolstykh V., Grigoryan M., Kovalenko T. Legal Systems of the Post-Soviet Non-Recognized States: Structural Problems // Russian Law Journal. 2019. Vol. 7. № 2. P. 81–100.

⁴ Дж. Харви не считает эти образования государствами в силу отсутствия международной легитимности, нахождения в существующем суверенном пространстве, наличия спора о границах, вероятности внешнего вмешательства и ограничений, сопровождающих независимость *de facto*. Их успех на внешней арене вызван тем, что они овладели риторикой геополитики и международного права; паразитируют на международных и внутренних конфликтах; используют размытость концепции суверенитета. Поскольку они находятся на границах политических разломов или вблизи ресурсов, региональные и международные акторы хотят иметь с ними дело (Harvey J. Over-Stating the Unrecognised State? Reconsidering *De Facto* Independent Entities in the International System. Exeter: University of Exeter, 2010).

⁵ Н. Касперсен и А. Херрберг пишут, что в оценке непризнанных государств часто не учитываются их внутренняя динамика и индивидуальность, в отсутствие суверенитета презюмируется анархия. Однако опыт Чечни не доказывает, что во всех непризнанных образованиях царит политический хаос; опыт Южной Осетии – что всегда имеется внешний патрон (Сомалиленд не имеет патрона, а элиты Арцаха влияют на политику Армении) (Caspersen N., Herrberg A. Engaging Unrecognised States in Conflict Resolution: An Opportunity or Challenge for the EU? Brussels: Crisis Management Initiative, 2010).

1) развитие национализма: материнские и непризнанные государства определяют себя как инструмент защиты интересов нации и стремятся создать гомогенное общество, унифицированное по языковому, культурному, историческому, идеологическому и религиозному принципам. Следствием такой политики являются маргинализация (исключение из публичного пространства) культуры меньшинства и в перспективе ее угасание (меньшинство при этом не лишается гражданских прав)¹;

2) влияние государства-патрона, которое может само «разыгрывать карту национализма», консолидируя таким образом собственную легитимность (принятие внутренних мер при этом необязательно); использовать непризнанные государства как инструмент внешнеполитического влияния; удовлетворять за счет непризнанного образования территориальные претензии; получать экономические выгоды (использование дешевой рабочей силы, природных ресурсов, теневых рынков и контрабандных потоков);

3) глобальный дискурс, включающий в качестве одного из главных элементов миф о тоталитаризме, который возлагает ответственность за несостоятельность мирового порядка не на идеи, его фундирующие (суверенитет, права человека, прогресс, свобода торговли), а на конкретных лиц (*hostis humanis generis*) и политические альтернативы (коммунизм, фашизм, исламизм). Непризнанные государства выступают как иллюстрации этого мифа; их существование придает нравственный смысл западной политике.

Причины национализма

Национализм, питающий непризнанность, обусловлен исторически. Ядро либерализма и основу легитимности государства Нового времени образует идея общественного договора, заключенного ради безопасности его участников и преодоления угрозы частной войны, исходившей от феодальных институтов (Т. Гоббс). После разрушения феодализма легитимность государства оказалась «подвешенной в воздухе»: отчуждая естественные права и используя человеческий ресурс, государство раз за разом оказывается неспособным предоставить адекватное вознаграждение и вынуждено искать новые формы компенсации, каждый раз изменяя общественный договор.

Первая такая модификация была осуществлена Дж. Локком, в версии которого общественный договор закрепляет лишь передачу права наказывать за нарушения, оставляя нетронутыми иные естественные права, – речь идет об идее демократии. Опыт Второй мировой войны, однако, показал, что большинство может поддерживать газовые камеры и ковровые бомбардировки. Этот урок вызвал шок, с целью снятия которого в дискурс был введен миф о тоталитаризме, возложивший ответственность на Гитлера и его окружение, *обманувших* немецкий народ. Другая дискредитация демократии связана с развитием информационных техно-

¹ Данная политика может квалифицироваться как геноцид – не в узком смысле, закрепленном в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., а в широком смысле, подразумеваемом Р. Лемкиным в 1944 г.: «Геноцид необязательно предполагает немедленное уничтожение нации... Он скорее предназначен для обозначения скоординированного плана различных акций, направленных на разрушение существенных основ жизни национальных групп с целью уничтожения самих данных групп. Целями такого плана является дезинтеграция политических и социальных институтов, культуры, языка, национального сознания, религии, экономического существования национальных групп и уничтожение личной безопасности, свободы, здоровья, достоинства и даже жизней индивидов, принадлежащих к данным группам» (*Lemkin R. Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation – Analysis of Government – Proposals for Redress. Washington, D. C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. URL: <http://www.preventgenocide.org> (дата обращения: 01.10.2020).*

логий, создающих искусственную реальность, взаимодействие с которой определяет неизбежно несвободный политический выбор.

Вторая модификация была осуществлена во второй половине XIX в. и связана с закреплением новой цели общественного договора – глобального мирового порядка, в рамках которого будут безгранично расширены творческие способности человека и гарантированы всеобщая справедливость и процветание; достижению этой цели были призваны служить свобода торговли, всеобщий мир, права человека, международные суды и пр. Это обещание также оказалось невыполненным: от имени мирового государства стал выступать транснациональный капиталистический класс и обслуживающие его элиты, игнорирующие интересы угнетенных классов и стран третьего мира, а основной целью технического прогресса стало развлечение (и отвлечение), а не преодоление экономического и политического отчуждения.

Третья модификация, осуществленная после Второй мировой войны, связана с закреплением концепции государства всеобщего благосостояния, призванного обеспечивать социально-экономические интересы (*welfare state*). Ее ресурс позволил Западу нанести СССР поражение в холодной войне, но в настоящее время он растрачен: даже развитые страны сталкиваются с дефицитом средств, безработицей, несправедливым распределением и коррупцией; способы решения этих проблем неочевидны; временным паллиативом служит создание искусственных потребностей и ухудшение уровня предоставляемых услуг при сохранении их всеобщности.

Апелляция к национальному представляет собой четвертую модификацию, связанную с обесцениванием первых трех. Она позволяет, по крайней мере на риторическом и символическом уровне, преодолеть врожденный порок государства, связанный с отчуждением человека от естественной (родовой) жизни. Кроме того, она реанимирует угрозу частной войны, придавая ей современную форму опасности, исходящей от агрессивных меньшинств.

Националистические меры обычно отражают общенародный консенсус, утверждаются на референдумах, закрепляются в конституциях и законах. Меньшинства могут озвучивать недовольство, но на этом их легальные возможности противодействия заканчиваются: арифметический расчет выступает как *ultima ratio*, а сам факт участия в процессе принятия решений снимает вопрос о неудовлетворенном субстанциальном интересе. Демократия, таким образом, становится инструментом национального угнетения, а другие принципы власти выглядят более соответствующими интересам меньшинств¹.

Разрушив связи с феодальными институтами, государство Нового времени стимулировало развитие этнических связей и часто служило формой, в рамках которой создавались новые этносы, но при этом не подменяло их. Оказавшись перед угрозой утраты легитимности, оно, однако, вынуждено *ставит себя на место нации*, оставляя человека беззащитным перед новыми формами тоталитаризма, прикрытыми рассуждениями о национальных интересах. Эта конъюнктура влияет и на международное право, вынужденное создавать для нее благоприятные условия, такие как принцип *uti possidetis juris*.

¹ Монархический принцип предполагает личную ответственность монарха перед каждым подданным и охрану его интересов даже от угрозы со стороны большинства. Консерватизм в принципе поддерживает любое коллективное начало, а марксизм подчиняет его классовым интересам. В. И. Ленин писал: «Признавая равноправие и равное право на национальное государство, он [пролетариат] выше всего ценит и ставит союз пролетариев всех наций, оценивая под углом классовой борьбы рабочих всякое национальное требование...» (*Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1969. С. 274–275*).

Политика третьих государств

Как уже отмечалось, в существовании непризнанных образований объективно заинтересованы они сами, материнские государства, патроны и третьи государства. Тем не менее поскольку этот интерес контрастирует с заявляемыми ценностями, является стратегическим, а не тактическим и поскольку непризнанность генерирует угрозу вооруженного конфликта и ряд иных угроз (терроризм, наркотрафик, незаконная миграция и пр.), политика третьих государств носит комплексный характер, т. е. включает сразу несколько паттернов.

Во-первых, третьи государства занимают бескомпромиссную позицию в части непризнания; единственная обозначаемая ими перспектива состоит в возвращении непризнанных образований в состав материнского государства. Исключение – случай Косово, определяемый как *sui generis*.

Во-вторых, третьи государства содействуют урегулированию: оказывают добрые услуги, посредничают¹, устанавливают факты (Комиссия ЕС по расследованию причин грузино-российского конфликта) и дают их правовую квалификацию (Комиссия Бадинтера).

В-третьих, они пытаются решать гуманитарные проблемы и вовлекать непризнанные образования в демократическое строительство (гуманитарная и экономическая помощь, деятельность неправительственных организаций, офисы ЕС в Абхазии и Сомалиленде, организация стажировок и пр.)²; эта деятельность не предпринимает вопрос о признании³.

Все три паттерна имеют серьезные дефекты. *Последовательное непризнание* приводит к замораживанию конфликта, повышению градуса противостояния, развитию изоляционизма и тоталитарных форм правления. Бескомпромиссное требование воссоединения часто выглядит нереалистичным в условиях межнационального конфликта и фактически открывает дорогу для этнических чисток и репрессий. *Содействие в урегулировании* достигает главную цель (прекращение текущего противостояния), но, не сопровождаясь соглашением об окончательном статусе, замораживает конфликт и не исключает его обострения; достигнутые на первом этапе договоренности в дальнейшем становятся предметом манипуляций. Наконец, *гуманитарное содействие* часто является избирательным, символическим, неэффективным и не сопровождается установлением общего режима защиты прав населения непризнанных образований.

Единственная норма общего права, бенефициаром которой является население непризнанных образований, отражена в Консультативном заключении о последствиях присутствия Южной Африки в Намибии от 21 июня 1971 г.: «В целом непризнание южноафриканского управления данной территорией не должно иметь своим следствием лишение намибийского народа преимуществ, вытекающих из международного сотрудничества. В частности, несмотря на то что официальные акты правительства Южной Африки, осуществленные от имени

¹ Шелест А. Институциональное посредничество в конфликтах на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. Вып. 2. С. 40–49.

² De Waal Th. Uncertain Ground: Engaging With Europe's De Facto States and Breakaway Territories. Washington, D. C.: Carnegie Europe, 2018; Cooley A., Mitchell L. A. Engagement without Recognition: A New Strategy toward Abkhazia and Eurasia's Unrecognized States // The Washington Quarterly. 2010. Vol. 33. № 4. P. 59–73.

³ По словам Н. Касперсен и А. Херрберга, политика «непризнания и вовлеченности» (*non recognition and engagement*) учитывает негативную реакцию на конкретную ситуацию, но преодолевает изоляционистские тенденции и позволяет решать гуманитарные задачи и проводить реформы, что в итоге обеспечивает компромисс и устойчивое соглашение (Caspersen N., Herrberg A. Op. cit. P. 14).

Намибии или в ее отношении после истечения мандата, являются незаконными и недействительными, эта недействительность не может распространяться на те акты, последствия которых могут игнорироваться лишь в ущерб жителям данной территории, такие как регистрация рождений, смертей и браков» (§ 125). В Постановлении от 18 декабря 1996 г. по делу Лоизиду ЕСПЧ повторил этот вывод применительно к актам Турецкой Республики Северного Кипра (§ 45). Ясно, что эта норма не в состоянии решить многочисленные проблемы, связанные с выдачей виз, признанием паспортов, исполнением судебных решений и др., которые сегодня могут быть решены только на уровне внутреннего права.

Преодоление непризнанности и ее последствий

Предложения по решению проблемы непризнанности часто носят паллиативный характер, т. е. связаны с совершенствованием имеющихся инструментов. Одни из них касаются совершенствования посреднических механизмов¹; другие – уточнения критериев признания и обеспечения их объективного применения²; третьи – возложения на непризнанные государства международно-правовых обязательств, прежде всего в сфере прав человека³ и международного гуманитарного права⁴; четвертые – изменения отношения третьих государств⁵; пятые – расширения круга вариантов урегулирования⁶.

¹ С. Вольф перечисляет пять принципов урегулирования: приоритет переговорных решений по сравнению с навязанными; инклюзивность переговоров; исчерпывающий характер договоренностей (помимо территориальных должны решаться вопросы безопасности, экономики, культуры); создание широких коалиций для поддержки переговорных решений, включающих гражданское общество, СМИ, диаспоры и др.; долгосрочное внешнее содействие урегулированию (*Wolff S. The limits of international conflict management in the case of Abkhazia and South Ossetia // Unrecognized States in the International System / N. Caspersen, G. Stansfield (eds.). Abingdon: Routledge, 2011.*

² *Ryngaert C., Sobrie S. Op. cit.*

³ А. Куллен и С. Уитли утверждают, что непризнанные образования связаны обязательствами в сфере прав человека в силу доктрины приобретенных прав: договоры, заключенные предшествующим, предоставляют их населению права, которые не могут игнорироваться режимом *de facto* (*Cullen A., Wheatley S. The Human Rights of Individuals in De Facto Regimes under the European Convention on Human Rights // Human Rights Law Review. 2013. Vol. 13. № 4. P. 691–728.*

⁴ Э. Давид приводит четыре аргумента: международное право может связывать индивидов; оно связывает государство независимо от того, какой орган его представляет; изменение властных структур не влечет изменения обязательств государства; государство отвечает за действия повстанцев в случае успешного восстания (*Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК, 2011. С. 241–242.*

⁵ С. Пегг пишет, что, помимо признания или военного решения, есть три варианта: «эфиопская модель», предполагающая прямые контакты между непризнанными образованиями и иностранными правительствами и организациями; «модель ГАТТ / ВТО», делающая акцент на функциональной компетенции, а не на правовом статусе; «тайванская модель», предполагающая уступки со стороны непризнанного образования, сотрудничество с признающими странами и приватизацию дипломатии (Американский институт на Тайване – частная НПО) (*Pegg S. Op. cit.*

⁶ М. Веллер перечисляет направления урегулирования внутренних конфликтов: 1) автономия или местное самоуправление (Каталония, Шотландия); 2) регионализм или федерализация (Сербия и Черногория, Россия и Татарстан); 3) отложение урегулирования при закреплении его механизма (Соглашения Осло между Организацией освобождения Палестины и Израилем); 4) частичное удовлетворение претензий обеих сторон (Белфастское соглашение об урегулировании кризиса в Северной Ирландии 1998 г.); 5) достижение соглашения о самоопределении, но отложение его имплементации (Найвашское соглашение между Суданом и Народной армией освобождения Судана 2005 г.); 6) создание государства *de facto* (Абхазия, Южная Осетия и др.); 7) независимость под наблюдением в обмен на обещание выполнять обязательства (план Ахтисаари 2007 г., предусматривающий отделение Косово); 8) самоопределение под условием (согласно ст. 1 (4) Закона об особом правовом статусе Гагаузии 1994 г. в случае изменения статуса Молдавии Гагаузия имеет право на сессию); 9) закрепление права на самоопределение в конституции (ст. 70, 72 Конституции СССР 1977 г.) (*Weller M. Settling Self-determination Conflicts: Recent Developments // European Journal of International Law. 2009. Vol. 20. № 1. P. 111–165.*

Эти предложения могут играть позитивную роль, смягчая негативные эффекты непризнанности или содействуя урегулированию, но не способны радикально улучшить ситуацию: купировать агрессивный национализм, предотвратить межнациональные конфликты, обеспечить полное использование прав человека. Для этого необходимы более серьезные меры, затрагивающие основы международного права. Учитывая объективный характер проблемы непризнания, эти меры вряд ли будут реализованы; тем не менее их стоит перечислить.

1. Политика национальной унификации и дискриминации культур меньшинств должна квалифицироваться как противоправная; для этого необходимы основания за пределами института прав человека (например, право наций на самоопределение или запрет геноцида).

2. Право на самоопределение должно действовать в ситуациях, когда правительство отказывается проводить политику, соответствующую ценностям и интересам меньшинств; данные ситуации должны оцениваться объективно¹.

3. Действие принципа *uti possidetis juris*, искусственно перенесенного в общее право, должно быть исключено в ситуациях, когда оно может спровоцировать межнациональный конфликт; альтернативой может быть проведение референдумов².

4. Государственность и признание не должны рассматриваться как необходимое условие осуществления территориальной юрисдикции; правосубъектность непризнанных образований должна быть расширена³.

5. Демократические процедуры не должны служить предлогом для дискриминации национальных меньшинств; в некоторых случаях их реализация должна рассматриваться как неуместная.

6. Необходим общий режим, гарантирующий защиту прав населения непризнанных образований и решение вопросов правовой помощи, дипломатической защиты, выдачи виз и пр.; *inter alia* он может быть закреплен в статьях Комиссии международного права.

7. Защита населения непризнанных образований должна быть возложена на специализированный международный институт, например на Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев; Международный Суд ООН должен активно привлекаться к разработке заключений по вопросам непризнанности.

Непризнанные государства могут сами принимать меры, направленные на упрочнение своей легитимности, консолидацию своего статуса и защиту своего населения. Одна группа этих мер предполагает выполнение условий признания, т. е. деятельность в рамках традиционного паттерна; другая – альтернативные политические технологии. Во втором случае речь может идти о следующих мерах:

¹ Tolstykh V. Difficult Search for Truth // Russian Law Journal. 2018. № 6. С. 154–165.

² С. Лалонд указывает: «*Uti possidetis* может в конечном счете подрывать внутреннее самоопределение в том смысле, что правительство, будучи уверенным в неприкосновенности своих границ, может игнорировать или саботировать вопрос о гарантиях меньшинств. Таким образом, *uti possidetis* не будет иметь своим последствием устранение или снижение риска конфликта; самое большее, что он сделает, – изменит его источник, заменив территориальные споры спорами о правах меньшинств. Более того, устранение территориальных споров может оказаться сугубо теоретическим, поскольку неудовлетворенные меньшинства могут попытаться разрешить разногласия путем изменения существующих границ» (Lalonde S. Determining Boundaries in a Conflicted World: The Role of *Uti Possidetis*. Montreal et Kingston: McGill-Queen's Press, 2002. P. 238). С. Рингер и С. Собри отмечают, что этот принцип, по сути, наказывает федеративные государства за предоставление автономии своим субъектам (Ryngaert C., Sobrie S. Op. cit. P. 487).

³ Об альтернативных формах публичной власти см.: Brooks R. E. Failed states, or the state as failure? // The University of Chicago Law Review. 2005. Vol. 72. № 4. P. 1159–1196.

- 1) усиление связей между непризнанными образованиями, в том числе интеграционных и в сфере коллективной безопасности;
- 2) установление связей *sui generis* с патроном (ассоциация, протекторат, передача временного управления);
- 3) формирование общего режима защиты прав населения (деятельность через институты ООН, ЕСПЧ, УВКДБ, КМП, МУС);
- 4) критика общих оснований международного права (концепции суверенитета, критериев признания, принципа *uti possidetis*);
- 5) критика подходов к урегулированию конкретной проблемы, моральная дискредитация противника;
- 6) учреждение альтернативных форм публичной власти (непосредственная демократия).

Заключение

На основе анализа проблемы непризнанных государств создается общее впечатление об искусственности данной проблемы и образующего ее контекста – межнациональных конфликтов, продуцируемых не объективными противоречиями этого контекста, а самой логикой современной истории, которая подталкивает внутренние элиты, испытывающие дефицит легитимности, к агрессивному национализму, а третьи силы, испытывающие такой же дефицит, – к занятию бескомпромиссной и непродуктивной позиции.

Конечно, миротворчество, независимо от того, чем оно обусловлено и какая скрытая повестка за ним стоит, не должно исключаться из политического инструментария, используемого для урегулирования международных конфликтов. Тем не менее радикальное решение предполагает критику существующего порядка и фундирующих его идей и пересмотр, по крайней мере выборочный, традиционных концепций суверенитета, самоопределения, юрисдикции и территориальных титулов. Такой пересмотр уже осуществляется; лекарство, однако, иногда оказывается хуже болезни: новые правовые институты и режимы под предлогом борьбы с тоталитаризмом, терроризмом и геноцидом санкционируют меры, которые сами могут быть квалифицированы как тоталитаризм, терроризм или геноцид; в результате перспектива урегулирования становится все менее очевидной. Это в свою очередь поднимает вопросы моральности международной политики, объективности внешнего наблюдателя, системности подхода и исключения двойных стандартов. В любом случае сложность этой проблематики и, как отмечалось, ее символический характер делают ее одной из наиболее нуждающихся в обсуждении. Как справедливо пишет Н. Касперсен, «государства *de facto* могут по-прежнему рассматриваться как эзотерические аномалии, но они являются аномалиями, которые могут рассказать нам нечто важное о государственном строительстве, суверенитете и международной системе»¹.

Список литературы

Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. М.: МККК, 2011. 1141 с.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1969. С. 255–320.

Петрова С. В. Внешняя политика непризнанных государств (на примере Республики Абхазия) // Вестник СГУТиКД. 2011. № 2. С. 233–235.

Шелест А. Институциональное посредничество в конфликтах на Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. Вып. 2. С. 40–49.

¹ Caspersen N. Making Peace with *De Facto* States. Paper prepared for the 5th Geopolitical Conference: Strategic and Geopolitical Issues in the Contemporary World, 2015 // Unrecognized States and Secession in the 21st Century. Cham: Springer, 2017. P. 3.

- Berlin A. H.* Recognition as Sanction: Using International Recognition of New States to Deter, Punish, and Contain Bad Actors // *University of Pennsylvania Journal of International Law*. 2009. Vol. 31. № 2. P. 531–591.
- Brooks R. E.* Failed states, or the state as failure? // *The University of Chicago Law Review*. 2005. Vol. 72. № 4. P. 1159–1196.
- Buzard K., Graham B., Horne B.* Unrecognized States: A Theory of Self-Determination and Foreign Influence // *The Journal of Law, Economics, and Organization*. 2017. Vol. 33. № 3. P. 578–611.
- Caspersen N.* Making Peace with *De Facto* States. Paper prepared for the 5th Geopolitical Conference: Strategic and Geopolitical Issues in the Contemporary World, 2015 // *Unrecognized States and Secession in the 21st Century*. Cham: Springer, 2017. P. 11–22.
- Caspersen N., Herrberg A.* Engaging Unrecognised States in Conflict Resolution: An Opportunity or Challenge for the EU? Brussels: Crisis Management Initiative, 2010. 18 p.
- Chimni B. S.* An outline of a Marxist course on public international law // *International law on the left: re-examining Marxist legacies* / ed. by S. Marks. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 53–91.
- Cooley A., Mitchell L. A.* Engagement without Recognition: A New Strategy toward Abkhazia and Eurasia's Unrecognized States // *The Washington Quarterly*. 2010. Vol. 33. № 4.
- Cullen A., Wheatley S.* The Human Rights of Individuals in *De Facto* Regimes under the European Convention on Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2013. Vol. 13. № 4. P. 691–728.
- De Waal Th.* Uncertain Ground: Engaging With Europe's *De Facto* States and Breakaway Territories. Washington, D. C.: Carnegie Europe, 2018. 98 p.
- Harvey J.* Over-Stating the Unrecognised State? Reconsidering *De Facto* Independent Entities in the International System. Exeter: University of Exeter, 2010. 246 p.
- Hillgruber Ch.* The Admission of New States to International Community // *European Journal of International Law*. 1998. Vol. 9. P. 491–509.
- Kennedy D.* International legal structures. Baden-Baden: Nomos-Verlag-Ges., 1987. 294 p.
- Kolsto P.* The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States // *Journal of Peace Research*. 2006. Vol. 43. № 6. P. 723–740.
- Koskeniemi M.* From apology to utopia: the structure of international legal argument. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 683 p.
- Lalonde S.* Determining Boundaries in a Conflicted World: The Role of *Uti Possidetis*. Montreal et Kingston: McGill-Queen's Press, 2002. 360 p.
- Lemkin R.* Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation – Analysis of Government – Proposals for Redress. Washington, D. C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1944. 712 p. URL: <http://www.preventgenocide.org> (дата обращения: 01.10.2020).
- Pegg S.* The Impact of *De Facto* States on International Law and the International Community. 15 May 2008. European Parliament, Brussels, Belgium. URL: <https://www.unpo.org/images/professor%20scott%20pegg.pdf> (дата обращения: 01.10.2020).
- Ryngaert C., Sobrie S.* Recognition of states: International law or realpolitik? The practice of recognition in the wake of Kosovo, South Ossetia, and Abkhazia // *Leiden Journal of International Law*. 2011. Vol. 24. № 2. P. 467–490.
- Talmon S.* The Responsibility of Outside Powers for Acts of Secessionist Entities // *International and Comparative Law Quarterly*. 2009. Vol. 58. P. 493–517.
- Tolstykh V.* Difficult Search for Truth // *Russian Law Journal*. 2018. № 6. P. 81–100.
- Tolstykh V., Grigoryan M., Kovalenko T.* Legal Systems of the Post-Soviet Non-Recognized States: Structural Problems // *Russian Law Journal*. 2019. Vol. 7. № 2. P. 154–165.
- Weller M.* Settling Self-determination Conflicts: Recent Developments // *European Journal of International Law*. 2009. Vol. 20. № 1. P. 111–165.
- Wolff S.* The limits of international conflict management in the case of Abkhazia and South Ossetia // *Unrecognized States in the International System* / N. Caspersen, G. Stansfield (eds.). Abingdon: Routledge, 2011. P. 147–164.
- Worste W. T.* Law, Politics, and the Conception of the State in State Recognition Theory // *Boston University International Law Journal*. 2009. Vol. 27. P. 115–171.

RECOGNITION AND NON-RECOGNIZED STATES AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Tolstykh Vladislav – leading researcher, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, head of the chair, Novosibirsk State University (Novosibirsk), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru

The specificity of the recognition problem is that a simple, definite and precise action turns out to be the subject of sophisticated speculations that have been going on for several centuries but have not yet led to the formation of a clear and holistic legal regime. In this regard, recognition has a great methodological value because allows to determine the true nature of international law, that is the interaction of two logically incompatible ideas – the idea of natural law (justice) and the idea of positive law (will). The recognition problem was updated in connection with the collapse of the USSR and Yugoslavia; the EU's reaction has radically changed the classical recognition regime and its function – henceforth, recognition has become a form of control and influence on domestic and foreign policy. Claims against unrecognized states can often be countered, however, the objective deficit of statehood and democracy cannot be denied. This deficit is due to the rise of nationalism, which, in turn, is caused by the depreciation of the foundations of state power (legitimacy). As a result, all affected parties are interested in non-recognition, however, their policies include opposing patterns: the assistance in settlement and the solution of humanitarian problems. These patterns have serious defects, since they tend to freeze the conflict and do not imply the general protection of human rights. Proposals for solving the problem of non-recognition are often palliative, i. e. they concern improvements to existing tools. They can play a positive role but are not able to radically improve the situation: to stop aggressive nationalism, to prevent ethnic conflicts, and to ensure the full use of human rights. This requires more serious measures affecting the foundations of international law: criminalization of the policy of national unification, non-application of the principle of *uti possidetis*, departure from democratic procedures, fixation of a general regime for the protection of human rights, etc. They, however, are unlikely to be implemented. The general impression is the artificiality of the problem of non-recognition and its context, i. e. ethnic conflicts caused not by objective contradictions but by the very logic of modern history.

Key words: international law, recognition, unrecognized states, sovereignty, national policy, self-determination, territorial titles

For citation: Tolstykh V. (2020) Recognition and non-recognized states at the beginning of the XXI century. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 5, pp. 135–151, DOI: 10.34076/2071-3797-2020-5-135-151.

References

Berlin A. H. (2009) Recognition as Sanction: Using International Recognition of New States to Deter, Punish, and Contain Bad Actors. In *University of Pennsylvania Journal of International Law*, vol. 31, no. 2, pp. 531–591.

Brooks R. E. (2005) Failed states, or the state as failure? In *The University of Chicago Law Review*, vol. 72, no. 4, pp. 1159–1196.

Buzard K., Graham B., Horne B. (2017) Unrecognized States: A Theory of Self-Determination and Foreign Influence. In *The Journal of Law, Economics, and Organization*, vol. 33, no. 3, pp. 578–611.

Caspersen N. (2017) Making Peace with De Facto States. Paper prepared for the 5th Geopolitical Conference: Strategic and Geopolitical Issues in the Contemporary World, 2015. In *Unrecognized States and Secession in the 21st Century*. Cham, Springer, pp. 11–22.

Caspersen N., Herrberg A. (2010) *Engaging Unrecognised States in Conflict Resolution: An Opportunity or Challenge for the EU?* Brussels, Crisis Management Initiative, 18 p.

Chimni B. S. (2008) An outline of a Marxist course on public international law. In Marks S. (Ed.) *International law on the left: re-examining Marxist legacies*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 53–91.

Cooley A., Mitchell L. A. (2010) Engagement without Recognition: A New Strategy toward Abkhazia and Eurasia's Unrecognized States. In *The Washington Quarterly*, vol. 33, no. 4.

Cullen A., Wheatley S. (2013) The Human Rights of Individuals in De Facto Regimes under the European Convention on Human Rights. In *Human Rights Law Review*, vol. 13, no. 4, pp. 691–728.

David E. (2011) *Printsiipy prava vooruzhennykh konfliktov* [Principles of the law of armed conflict]. Moscow, MKKK, 1141 p.

De Waal Th. (2018) *Uncertain Ground: Engaging With Europe's De Facto States and Break-away Territories*. Washington, D. C., Carnegie Europe, 98 p.

Harvey J. (2010) *Over-Stating the Unrecognised State? Reconsidering De Facto Independent Entities in the International System*. Exeter, University of Exeter, 246 p.

Hillgruber Ch. (1998) The Admission of New States to International Community. In *European Journal of International Law*, vol. 9, pp. 491–509.

Kennedy D. (1987) *International legal structures*. Baden-Baden, Nomos-Verlag-Ges., 294 p.

Kolsto P. (2006) The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States. In *Journal of Peace Research*, vol. 43, no. 6, pp. 723–740.

Koskeniemi M. (2006) *From apology to utopia: the structure of international legal argument*. Cambridge, Cambridge University Press, 683 p.

Lalonde S. (2002) *Determining Boundaries in a Conflicted World: The Role of Uti Possidetis*. Montreal et Kingston, McGill-Queen's Press, 360 p.

Lemkin R. (1944) *Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation – Analysis of Government – Proposals for Redress*. Washington, D. C., Carnegie Endowment for International Peace, 712 p., available at: <http://www.preventgenocide.org> (accessed: 01.10.2020).

Lenin V. I. (1969) O prave natsii na samoopredelenie [On the right of nations to self-determination]. In Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow, Izd-vo polit. lit., pp. 255–320.

Pegg S. (2008) *The Impact of De Facto States on International Law and the International Community*, 15 May, European Parliament, Brussels, Belgium, available at: <https://www.unpo.org/images/professor%20scott%20pegg.pdf> (accessed: 01.10.2020).

Petrova S. V. (2011) Vneshnyaya politika nepriznannykh gosudarstv (na primere Respubliki Abkhaziya) [Foreign policy of unrecognized states (on the example of the Republic of Abkhazia)]. In *Vestnik SGUTiKD*, no. 2, pp. 233–235.

Ryngaert C., Sobrie S. (2011) Recognition of states: International law or realpolitik? The practice of recognition in the wake of Kosovo, South Ossetia, and Abkhazia. In *Leiden Journal of International Law*, vol. 24, no. 2, pp. 467–490.

Shelest A. (2012) Institutsional'noe posrednichestvo v konfliktakh na Kavkaze [Institutional mediation in conflicts in the Caucasus]. In *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*, vol. 15, iss. 2, pp. 40–49.

Talmon S. (2009) The Responsibility of Outside Powers for Acts of Secessionist Entities. In *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 58, pp. 493–517.

Tolstykh V. (2018) Difficult Search for Truth. In *Russian Law Journal*, no. 6, pp. 81–100.

Tolstykh V., Grigoryan M., Kovalenko T. (2019) Legal Systems of the Post-Soviet Non-Recognized States: Structural Problems. In *Russian Law Journal*, vol. 7, no. 2, pp. 154–165.

Weller M. (2009) Settling Self-determination Conflicts: Recent Developments. In *European Journal of International Law*, vol. 20, no. 1, pp. 111–165.

Wolff S. (2011) The limits of international conflict management in the case of Abkhazia and South Ossetia. In Caspersen N., Stansfield G. (Eds.) *Unrecognized States in the International System*. Abingdon, Routledge, pp. 147–164.

Worste W. T. (2009) Law, Politics, and the Conception of the State in State Recognition Theory. In *Boston University International Law Journal*, vol. 27, pp. 115–171.

ЭТО ИНТЕРЕСНО

Мужчина по ошибке отсидел восемь лет в тюрьме и стал адвокатом

<https://lenta.ru/news/2020/12/03/lawyer/>

Житель американского города Чикаго, штат Иллинойс, восемь лет отсидел в тюрьме за преступление, которого он не совершал, доказал свою невиновность и стал адвокатом. Об этом сообщает издание Unilad.

Джарретт Адамс был обвинен в изнасиловании после того, как посетил вечеринку в Университете Висконсин-Уайтуотер в 1998 г. Адамс был арестован и обвинен в сексуальном домогательстве, несмотря на то что показания свидетеля противоречили заявлениям обвинителя.

Американца, которому предоставили государственного защитника, приговорили к 20 годам тюрьмы. При этом судья дал Адамсу дополнительные девять лет, так как он отказался извиниться за изнасилование, которого не было.

Спустя полтора года, проведенных за решеткой, сокамерник Адамса натолкнул его на мысль пойти в библиотеку и самостоятельно изучить, почему его защита провалилась. Он узнал, что государственный защитник нарушил его права, не найдя и не вызвав в суд свидетеля, о котором было известно.

Используя газеты, к которым он имел доступ в тюрьме, Адамс нашел адвокатов, которые могли бы помочь ему оспорить его случай, и смог работать с одним из них над написанием жалобы. В 2004 г. случаем Адамса занялась некоммерческая юридическая организация The Innocence Project, которая стремится оправдать неправомерно осужденных людей.

Через восемь лет после ареста Адамса юристы из организации оспорили случай в Седьмом окружном апелляционном суде в Чикаго. В феврале 2007 г. все обвинения с него были сняты.

После того как его отпустили, Адамс зарегистрировался в колледже и получил диплом младшего специалиста, а затем – степень бакалавра в уголовном праве. В мае 2015 г. он окончил юридический факультет Чикагского университета Лойолы и нанялся на работу в The Innocence Project. Адамс уже помог выйти на волю нескольким невинно осужденным.